

Образование как производство присутствия

М. А. Гусаковский

Размышление, которое я попытаюсь предложить в данном тексте, посвящено теме «Образование как событие». Оно навеяно работой современного французского философа Алена Бадью «Бытие и событие» (Badiou, 1988, р. 429–447)¹. Здесь мы попытаемся помыслить образование в стиле философии события.

Первый философский вопрос, который возникает на этом пути: как возможно мышление, которое допускает событие? Согласно Бадью, если мы хотим мыслить Бытие как событие, оно должно обладать свойствами множественности; если рассматривать Бытие как единое, то событие невозможно.

Бытие, рассматриваемое как событие, обладает свойствами временности, эфемерности, т. е. возникновения—исчезновения, кажимости, присутствия—отсутствия.

Постулат, от которого мы будем исходить: событие образования наделено статусом множественности и временности. Это имеет непосредственное отношение к феноменологии образования. В феноменах образования существующее не представлено, а предъявлено. В данном сообщении мы подробнее остановимся на категории присутствия и возможности его применения к области образования.

Непосредственным поводом для размышлений в данном направлении явилась книга германо-американского философа и литературоведа Ганса Ульриха Гумбрехта

¹ Перевод «Бытия и события» был подготовлен в Центре проблем развития образования БГУ М. Ф. Гербовицкой.

«Производство присутствия: чего не может передать значение» (Гумбрехт, 2006).

Проблема присутствия имеет прямое отношение к образованию; феномены образования, по нашему мнению, имеют ненаблюдаемую природу, они связаны с возникновением—исчезновением (ср. характеристику М. Фуко: образование — это игра памяти и забывания). В образовании, к примеру, имеет место игра письма и речи. Согласно концепции Деррида, *речь* ставит во главу угла «живой» язык, диалог, присутствие, а *письмо* изначально пронизано отсутствием. Это свойство присутствия/отсутствия, скрывания/показывания Бытия особенно занимает современную философию. Согласно Деррида, найти первоначало значения невозможно. Деррида обращает наше внимание на то, что это понимает и Хайдеггер: для него образ крестообразного вычеркивания (это значит: нечто есть и не есть) — это единственно возможный способ обозначить наличие, присутствие. Знак «бытие» — это след, который обозначает наличие только через его отсутствие, так что бытие формируется и обнаруживается под знаком следа. Этот вопрос о неналичном и самостирающемся следе как своего рода безосновной основе приобретает для Деррида первостепенное значение (см.: Автономова, 2000).

Современное образование ориентировано на передачу значений, но его необходимо переориентировать на производство актов присутствия. А точнее, вернуть в образование игру присутствия—отсутствия, ибо главной бедой и угрозой современного образования является невнимание к процессам возникновения—исчезновения, отстранение современного индивида с помощью образования от «вещей».

Основное свойство, которое философия приписывает субъекту — это его присутствие, чаще всего в форме трансцендентального субъекта. В нашей аудитории на

конференции это звучало как «неизбывное желание человеческого индивида быть субъектом».

Именно это «общее место» педагогики — призыв к необходимости стать субъектом — мы попытаемся отразить философскими средствами.

Постановка проблемы присутствия в современной философии (Деррида)

Хайдеггеру в новейшей философии принадлежит заслуга в приписывании Бытию такого свойства как временность (временение). Согласно ему, есть такой ареал Бытия как *Da-Sein*, которое знает о своей смертности (временности).

Тему присутствия в современной философии актуализировал, вслед за Хайдеггером, Деррида. Отталкиваясь от положения о временности Бытия, Деррида в своих работах «О грамματοлогии» и «Письмо и различие» (Деррида, 2000а; Деррида, 2000б) развивает тему критики метафизики присутствия.

Присутствие он понимает как способ данности, предъявленности, наличия в рамках западной философской традиции в целом. Подобно «наличию», «логоцентризму» — это не реально употреблявшиеся в классической философии понятия, но ретроспективно построенные образы умопостигаемости, преобладающие в западной философской традиции.

Подчеркнем, Деррида критикует концепт присутствия как метафизический. Квалификацию метафизики присутствия Деррида относит ко всей европейской традиции, начиная от Платона и Аристотеля и до современности. Согласно Деррида, матрицей западной философии было определение бытия как присутствия. «Все названия основы, начала, центра всегда обозначали инвариант присутствия: сущность, существование, субстан-

ция, субъект, трансцендентность, сознание, Бог, человек и т. д.» (цит. по: Керимов, 1998, с. 231).

Чистое присутствие, говорит Деррида, постулирует наличие метафизического основания бытия в форме таких метафор, как «наличие вещи для взгляда на нее как eidos, наличие как субстанция/сущность/существование (ousia), временное наличие как точка (stigma) данного мгновения, или момента (nun), наличие cogito самому себе, своему сознанию, своей субъективности, со-наличия другого и себя, интерсубъективность как интенциональный феномен эго» (цит. по: Ильин, 1996, с. 17; см. также: Деррида, 2000а, с. 126–127).

Как отмечает в предисловии к своему переводу «О грамматологии» Н. Автономова, введенная Деррида сверхмощная абстракция, описывающая всю традицию западной мысли, предполагает такие характеристики, как полнота, простота, самоидентичность, самодостаточность (Автономова, 2000, с. 16).

Метафизика присутствия использует оппозиции смысл/знак, означаемое/означающее. Процесс познания, рождения смысла разворачивается в направлении от знака к значению, от означающего к означаемому. При этом полагалось, что значение и означаемое, будучи атрибутами Бытия, являются первичными, исходными по отношению к знаку и означающему, им приписывается статус трансцендентных категорий. Допускалась также возможность трансгрессии, прямого доступа к трансцендентному, выход к Бытию через интуицию и интеллектуальное созерцание. Схватываемый таким образом смысл Бытия определялся как чистое присутствие (см.: Власов, 2007а).

Указанная метафизика, согласно Деррида, отнюдь не ограничивается философией, она проявляется в политике, этике, искусстве.

Деррида рассматривает чистое присутствие как иллюзию классической философии и ставит под вопрос

возможность для Бытия обладать смыслом как таковым. Для него не существует значения означаемого, не опосредованного знаком, означающим. Согласно основному положению Деррида, игра означаемого и означающего сопровождается моментом отсутствия означаемого...

Деррида в силу известных причин и своих концептуальных пристрастий связывает основания этих утверждений с привилегированным положением голоса и противопоставляет ему письмо. В своей философии он вводит фундаментальное продуктивное различие между двумя понятиями *presence* и *absence* — *присутствие* и *отсутствие*. (Н. Автономова предлагает переводить *presence* как *наличие*, Д. Кралечкин и В. Лапицкий переводят его как *присутствие*. О доводах и тех, и других см.: Мазин, 2000). Деррида связывает присутствие с означаемым: Бытие — то, что есть.

Сущность стратегии Деррида, которая получила название деконструкции, — деконструировать структуру связи между означаемым и означающим, обнаружить отсутствие означаемого в означающем, т. е. обнаружить условный порядок между ними. Согласно этой позиции, предельных означающих нет, есть цепочки, движения означаемых и означающих. Смысл действий Деррида заключается в том, чтобы обнаружить за любым — предельным, как кажется автору — высказыванием последующую цепочку означающих, тем самым констатировать отсутствие, дабы проблематизировать устойчивость любого говорения.

Благодаря реконструкции, произведенной в современной философии «деконструкции», герой метафизики присутствия, суверенный, «трансцендентальный субъект» новоевропейской философии начиная с Декарта, в метафизике отсутствия исчезает, так как в производимых этим субъектом текстах, бесконечных цепочках означающих связи, возникающие между означающими,

порой неведомы ему самому. Отсюда следует отсутствие как новая позиция, за которой следует «смерть автора» у Р. Барта, «смерть субъекта» у М. Фуко, и т. д.

Тему присутствия обсуждает также и Жан-Люк Нанси, согласно которому, присутствие — по крайней мере, в современных условиях — есть рождение, «самотменяющееся и самовосстанавливающееся становление» (цит. по: Гумбрехт, 2006, с. 66). Его основной характеристикой выступает экстремальная темпоральность².

Общую ситуацию, на наш взгляд, удачно обрисовал Нанси: «В какой-то момент начинаешь уже злиться, просто злиться на это множество речей и текстов, единственной заботой которых является — создать еще немножко смысла, заново переделать или усовершенствовать какие-нибудь тонкие конструкции значения» (цит. по: Гумбрехт, 2006, с. 65). В принципе, это бунт на корабле против интерпретации, универсальности этой процедуры. Развивая этот посыл, Гумбрехт доводит его до логического конца, оформляя это интеллектуальное противостояние как взаимодействие двух культур — «культуры значения» и «культуры присутствия».

Тема Бытия как присутствия в философии

Проблема присутствия имеет свои истоки в обнаружении пределов философии. Чтобы определить, что такое философия, надо обнаружить точку, феномен, чтобы в этой игре смыслов и значений обнаружить нечто, что не относится к философии. Эта логика была распространена на проблему Бытия. Тогда философы и обратили внимание на пару Бытие—Небытие. Философская память сразу же вспомнила, что традицию философствования в определенном стиле положил Парменид; в его

² Укажем еще на две книги, которые обсуждают указанную проблему как актуальную: «Рождение к присутствию» Жан-Люка Нанси (Nancy, 1993) и «Границы интерпретации» Умберто Эко (Eco, 1990).

высказывании «Бытие есть, небытия нет» Бытие изначально нагружалось свойством присутствия — Бытие *есть*. Все, что мы приписываем Бытию, автоматически нагружалось и этой способностью присутствия. Именно этот тезис явился источником пристального внимания и в свое время был атакован М. Хайдеггером, который в своей философии попытался придать некоторое значение термину «Небытие» и не уставал утверждать тезис о необходимости иного мышления.

Есть еще одна философская традиция, которая сегодня подвергается систематическому пересмотру в пределах нашей темы. Это традиция, связанная с философией Р. Декарта. Именно Декарт определил Бытие как состоящее из двух родов вещей — *res cogitans* и *res extensae*, вещь мыслящая и вещь протяженная. Это два рода вещей, которые параллельны. Декарта за это нередко обвиняли в дуализме. Получалось, что, с одной стороны, есть человек мыслящий, с другой — материальные вещи.

Современная критика обвиняет Декарта в том, что именно он увел нас в мир значений. Если говорилось о мышлении, то как о мышлении в понятиях, если речь шла о существовании, то имелось в виду производство значений и смыслов. И это интерпретировалось как добывание знаний. Хайдеггер продолжает обсуждать тему человека как особого вида сущего, особого вида Бытия, которое знает о своей конечности.

Именно Хайдеггер предложил одно очень лукавое свойство для Бытия — временность. Именно это допущение явилось принципиальным положением в открытии новых возможностей для Бытия — существования в форме случайности, в форме события. Если Бытие есть, а Небытия нет, то случайности нет (по крайней мере, в форме случайности). Если допустить, что Бытие обладает свойством времени, то тогда появляется возможность говорить, что само существование приобретает характер достаточно большой неопределенности,

и возникает возможность существования случайности. Именно этот поворот позволяет начать обсуждать тему присутствия—отсутствия Бытия. Деррида, развивая этот философский мотив у Хайдеггера, начинает наделять свойством временности цепочку переходов присутствие—отсутствие—значение.

Из уст поэта Пессоа прорывается следующий онтологический тезис: «Вещи не обладают значением: они обладают существованием. Вещи суть единственный потаенный смысл вещей» (цит. по: Власов, 20076).

Утрата современной культурой всего, что связано с присутствием, мышление в значениях (понятиях) не покрывает собой всей сложности нашего существования. Мы, рожденные и существующие в стиле и традиции метафизики присутствия, воспитаны в стиле подозрения к вещи. Мы, ведя «жизнь шпиона», расположены к тому, чтобы подозревать все. Всякий феномен в этой традиции значит не себя самого (или ничего не значит), а еще что-то. Мы прилагаем невероятные усилия, чтобы пробраться за поверхность вещей и обнаружить то, что скрыто. Эту деятельность мы называем познавательным актом. Понятно, что рано или поздно должна была родиться здравосмысленная точка зрения: давайте перестанем искать за вещами еще что-то, давайте попробуем жить «с вещами»! Но тогда этот призыв рождает шанс возникновения внимания к каким-то иным состояниям (например, интерес к формам интеллектуальной активности не в категориях) или более ироничного отношения к любому категориальному высказыванию относительно состояния дел и вещей. Ибо любое высказывание — это всегда речь, организованная в категориальных сетках, это всегда структурирование по заведомо заданным схемам. И это удаляет нас от вещей. Это не значит, что мы должны в пылу критики отбросить все научные достижения и сам способ такого мышления и существования. Я согласен с теми, кто формулирует

возможности современного состояния как существования «между». Гумбрехт говорит о возможностях чередования «мира значения» и «мира присутствия». Если верить Гумбрехту, такого рода способностью обладает эстетика. Эстетика не отрывается от мира значений, и в то же время она эту «первичную телесность» сохраняет. Любое эстетическое произведение не может до конца отказаться от вещественности вещей. Например, даже в речи, говорении, к которому очень критично относился Деррида, есть тембр голоса, есть жест, есть много чего, что имеет материальный характер и «живую осязаемость». Эти темы актуализировали проблему возможности существования не в мышлении, не в значении, а значит и не в языке, потому что язык тоталитарен. На этой развилке и возникает тема производства присутствия.

Производство присутствия

Тема производства присутствия впервые в философии разработана Гумбрехтом в известной одноименной книге. В дальнейшем изложении мы будем ссылаться именно, и прежде всего, на эту работу. Концепт производства присутствия — это «эффект осязаемости, создаваемый средствами коммуникации» (Гумбрехт, 2006, с. 29). Точка, от которой Гумбрехт пришел к данному концепту — проблеме производства присутствия, — возникла в процессе длительной разработки темы под общим названием «материальные факторы коммуникации». У Гумбрехта мы обнаруживаем несколько интересных наблюдений по этому поводу, связанных с описанием форм самоопределения человека в разных исторических традициях. Один сюжет из религии — евхаристия.

Таинство евхаристии в средние века, согласно Гумбрехту, интерпретировалось как производство реального присутствия Бога на земле. И среди людей

оно было основным обрядом средневекового сознания. Хлеб и вино буквально воспринимались как тело и кровь Христа. Во времена протестантизма появился призыв относиться к хлебу и вину как к условности, то есть протестантизм призвал наделять хлеб и вино значением. Здесь и возник этот разрыв между присутствием и значением.

Второй сюжет — из истории театра. Известно, что средневековый театр придавал решающее значение позе и телам актеров. В частности в известной стилистике театра «комедии дель арте» решающее значение имели телодвижения, в том числе и непристойные. Именно они задевали публику и вызывали необходимую реакцию; важно заметить, что не сюжет здесь был главным. Начиная с Нового времени внимание публики переносится с тел и жестов актеров на характеры. Здесь тела перестали значить себя, они начали значить что-то другое. В театре Расина, Мольера роли — это типы и характеры (типичные роли в типичных обстоятельствах), главным событием становятся приключения персонажей (комедия положений).

Гумбрехт полагает, что можно обнаружить различие между спором, основанным на ритуалах присутствия, и спором, основанным на ритуалах значения. При этом Гумбрехт обнаруживает определенную связь между стратегией значения и ориентацией на временное измерение и пространственной ориентацией, связанной с присутствием; последние ориентированы на пространственность, телесность, осязаемость и т. д.

Именно в Новое время, согласно Гумбрехту, возникает представление об актуальности человеческой деятельности, формируется сфера политики, в основе которой также лежит игра значений.

Ситуация сегодняшнего дня интерпретируется как кризис репрезентации — наименование объектов, первичная процедура наименования объектов сделалась

обсессивным (навязчивым) делом. В науке также происходят соответствующие трансформации. Гумбрехт цитирует Н. Лумана, который фиксирует возникновение в науке и культуре этого времени наблюдателей первого и второго порядка. Каждый элемент знания нагружается двумя значениями, в которых фиксируется ситуация внешнего наблюдения и ситуация наблюдения за собой как за внешним. Эта процедура делает необходимым все открыть, да и самому открыться, ибо ты для самого себя — внешний феномен. Гумбрехт ругает за разработку такой стратегии отношения к миру, с миром, которая не основана на значении. Здесь становится интересной ситуация недоопределения (см.: Гумбрехт, 2006, с. 49)³.

Педагогика присутствия

В заключение приведем несколько положений, которые, по нашему мнению, призваны привлечь внимание к новой педагогической установке.

Современное образование, по нашему наблюдению, слишком много внимания уделяет передаче значения и мало — присутствию (если это не административная процедура контроля физического присутствия студента на занятии).

Педагогика присутствия должна уделить больше внимания ситуации, в которой создаются сложности для толкования и производства значений. Смена точки зрения в педагогике может быть обозначена следующим образом: смещение интересов с опознания значения, или его истолкования, к возникновению значения.

В образовании мы изначально вращаемся в дискурсах и категориях. Пребывание в таких мирах, которые мы считаем сформированными и «сконструированными»

³ Ср. характеристику Хайдеггера «человек — пастух бытия», где активность выражается не во внешнем действии, а в ситуации напряженного внимания к положению вещей.

ми» меняющимся набором категорий, дискурсов и нарративов, формирует в нас, с одной стороны, неизбывное стремление к толкованиям, а с другой стороны, с очевидностью вызывает стремление к тому, чего даже не притязают более касаться все эти категории, дискурсы и нарративы — к моментам присутствия.

Гумбрехт в своей работе выделяет три гуманитарные области, которые, согласно его убеждению, могут производить присутствие. Первая — это *история*, основной целью которой является производство присутствия прошлых миров в настоящем. Вторая — это *искусство*, которое обладает особым умением производить эффекты присутствия. И, наконец, третья сфера — *педагогика*. Между названными областями существует ряд родовых сходств. На них также указывает Гумбрехт.

Первое из этих сходств — утверждение четкой дистанции по отношению к миру повседневности, что, очевидно, составляет необходимое и достаточное условие для интенсификации моментов присутствия.

Второе отмечаемое автором сходство — то, что в данных случаях мы не спешим, следуя обычаю, истолковывать предметы нашего внимания, то есть приписывать им значения.

Образование — особая сфера коммуникации. В ней представлены не только процессы передачи информации, наряду с этим здесь всегда наличествует и момент присутствия; чтобы образование было современным, на наш взгляд, необходимо обращать внимание на такие материальные факторы коммуникации, которые порождают эффекты присутствия. Мы бы хотели обратить внимание педагогов на актуальность такого типа беседы, диалога, который основывался бы не только на смысле и значении, но именно на ритуалах присутствия.

Решающим моментом здесь является акт «приостановки приписывания значения». Преподаватель выступает в качестве катализатора интеллектуального собы-

тия, который необходим как физически присутствующее лицо.

*Эпифания, презентификация и дейксис*⁴ — такими категориями Гумбрехт пытается описать те виды своих предсказаний, воображаемые представления и желания, которые касаются будущих форм практики в гуманитарных науках и искусствах. Хорошее академическое преподавание должно быть *дейктическим*, а не толковательным и нацеленным на решение действием.

В центре подобных практик — умение преподавателя организовать событийно ориентированную беседу с открытым финалом, «возникающую на пути к неведомой цели». Решающим моментом здесь является акт «приостановки приписывания значения». Преподаватель выступает в качестве катализатора интеллектуального события, который необходим как физически присутствующее лицо. Студент также необходим — как лицо, способное дать имя тому, что имени не имеет (что отсутствует) в совокупности данных обстоятельств предлагаемой ситуации. Это, согласно Бадью, и есть предпосылка события. Мы добавим: события образования.

Подробное рассмотрение данной темы увело бы нас слишком далеко, поэтому обратим внимание только на два момента, необходимых для активной работы присутствия: наличие ситуации, или, говоря языком Бадью, «родового множества», и «истинностной процедуры». Родовое множество есть то, что, согласно Бадью, «не именуемо, вероятное восполнение своего отсутствия, то есть, конструкция своего понятия может быть лишь процедурой, которая должна производить вычисления

⁴ Дейксис (от греч. *deixis* — указание) — значение, функция указания, соотнесения с лицами, предметами или событиями, находящимися в том или ином отношении к говорящему лицу или моменту речи. Дейктические местоимения — то же, что и указательные местоимения (рус. «тот», «этот», нем. «jener», «dieser»).

внутри именований основной ситуации» (Badiou, 1988, р. 392).

«Истинностные процедуры, или процедуры родовые, отличаются от накопления знаний своим *событийным* происхождением. Пока случается только то, что соответствует правилам некоего положения вещей, возможно, конечно же, познание, правильные высказывания, накопление знаний; невозможна здесь истина. Истина парадоксальна тем, что она одновременно и внове, следовательно, — нечто редкостное, исключительное, и, затрагивая само бытие того, истиной чего является, наиболее прочна, наиболее, говоря онтологически, близка к исходному положению вещей» (Бадью, 2003, с. 16–17).

Для разворачивания относящейся к ситуации истинностной процедуры необходимо, чтобы эту ситуацию пополнило некое чистое событие. «Это пополнение оказывается неизменным, не представимым ресурсами самой ситуации (ее структурой, установленным для названия ее терминов языком, и т. д.). Оно вносится особым именованием, запуском *сверх того* еще одного означающего. Именно последствия ввода в игру в *данной ситуации* еще одного имени и запускают родовую процедуру, вносят предвкушение истины этой ситуации» (Бадью, 2003, с. 17).

В конечном счете, что представляет собой наше педагогическое мастерство как не искусство достижения состояния «безмолвной интенсивности»? И тогда, как замечает Гумбрехт, «может быть, вы перестанете задаваться вопросом, что именно значат эти вещи, ибо они, кажется, просто присутствуют и полны значения. Может быть, вы даже заметите, как, начав неспешно следить за возникновением вещей, вы и сами становитесь их частью» (Гумбрехт, 2006, с. 150).

Литература

- Автономова Н. Деррида и грамматология // *Деррида Ж. О грамматологии* / Пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 7–107.
- Бадью А. Манифест философии / Пер. с фр. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
- Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение / Пер. с англ. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
- Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000а. 511 с.
- Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2000б. 495 с.
- Керимов Т. Х. Деконструкция // *Современный философский словарь* / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Панпринт, 1998. С. 229–235.
- Власов А. Присутствие-отсутствие в повседневности // *Топос: литературно-философский журнал*. 2007а [<http://www.topos.ru/article/5888>].
- Власов А. Философ Ален Бадью и поэт Осип Эмильевич Мандельштам // *Топос: литературно-философский журнал*. 2007б [<http://www.topos.ru/article/5363>].
- Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 254 с.
- Мазин В. Жак Деррида. О грамматологии. Письмо и различие. Письмо и различие // *Новая русская книга*. 2000. № 6. [<http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk6/18.html>]
- Badiou A. *L'être et l'événement*. Paris: Seuil, 1988.
- Eco U. *The limits of interpretation*. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 295 p.
- Nancy J.-L. *The birth to presence* / Trans. by B. Holmes et al. Stanford: Stanford University Press, 1993. 423 p.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ПОЛИТИКИ СУБЪЕКТИВАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Сборник научных статей

Под редакцией Д. Ю. Короля
и М. А. Гусаковского

Минск
«Издательский центр БГУ»
2008

УДК 378.1(082)
ББК 74.58я43
П50

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *Е. С. Слепович*
кандидат психологических наук *Т. И. Краснова*

Политики субъективации в университете : образова-
П50 тельное событие: сб. науч. ст. / под ред. Д. Ю. Короля,
М. А. Гусаковского. — Минск : Изд. центр БГУ, 2008. —
175 с.

ISBN 978-985-476-676-8

В настоящем сборнике представлены статьи, обсуждающие современные подходы к проблеме образовательной субъективности. В основу сборника легли доклады участников 2-й Международной научной конференции «Политики субъективации в университетском образовании», состоявшейся 2–3 октября 2008 года в Минске. В сборнике также представлен фрагмент книги современного французского философа Алена Бадью «Бытие и событие». Одна из глав этой работы («Теория субъекта») содержит изложение оригинальной концепции субъективности, которая может найти применение в области осмысления процессов субъективации в университете.

Адресуется преподавателям университетов, исследователям образования, аспирантам и студентам педагогических специальностей.

УДК 378.1(082)
ББК 74.58я43

ISBN 978-985-476-676-8

© БГУ, 2008